

ЕВГЕНИЙ ПЕККИ

Невыдуманные истории от Жоры Пенкина

КНИГА 3.
В АМЕРИКЕ

Евгений Пекки

**Невыдуманные истории от Жоры
Пенкина. Книга 3. В Америке**

«Издательские решения»

Пекки Е.

Невыдуманные истории от Жоры Пенкина. Книга 3. В Америке /
Е. Пекки — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851567-5

Этой книгой завершается трилогия «Невыдуманных историй от Жоры Пенкина». Оказавшись в 1994 году в США, главный герой узнаёт много нового о стране, которая до сих пор была для России за «железным занавесом». Читателю будет интересно взглянуть на эту легендарную страну глазами участкового милиционера, побывать в Пентагоне и на Арлингтонском кладбище, посидеть за партой в Куантико и поздороваться за руку с директором ФБР, пожить в американской семье и половить рыбу в Атлантике.

ISBN 978-5-44-851567-5

© Пекки Е.
© Издательские решения

Содержание

В аэропорту «JFK»	6
Трансфер	10
В доме у Джима	13
Джордж и копы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Невыдуманные истории от Жоры Пенкина Книга 3. В Америке

Евгений Пекки

Редактор Максим Марков

Корректор Максим Марков

© Евгений Пекки, 2017

ISBN 978-5-4485-1567-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В аэропорту «JFK»

Когда Жора Пенкин в составе карельской делегации сотрудников органов внутренних дел высадился в главном аэропорту США, на него пахнуло тёплым влажным вечерним воздухом с лёгкой примесью ароматов осеннего леса, бензинового выхлопа и сгоревшего авиационного керосина. Грохот постоянно взлетающих и садящихся самолётов слегка давил на уши. Жора при этом испытывал нескрываемое удовольствие от того, что он находится именно здесь, а не сидит в своём кабинете на участке.

В России перестройка вовсю набрала обороты и чуть не пошла год назад в разнос, но расстрел Белого дома поставил точку в этих событиях, и московское правительство решало теперь, как его отремонтировать, вернув прежний вид. Активное укрепление международных связей коснулось и карельской милиции.

Пенкину повезло. Вряд ли бы он оказался в составе делегации, если бы его не вызвали к начальнику горотдела. В это же время, в этот же кабинет, зашёл замполит, который не имел привычки спрашивать разрешения зайти. Пенкин прервал свой доклад начальнику о делах на участке, чтобы два руководителя, рангом повыше, чем он, могли решить свой вопрос. А вопрос был не очень сложный. Дело в том, что для поездки в США была подготовлена делегация горотдела, но внезапно один из кандидатов заболел. Принимающая сторона была готова разместить и обслужить тридцать два делегата, нужно было срочно найти замену.

– А в чём сложность? – поинтересовался начальник.

– В знании языка, – бодро ответил замполит.

– Так, вроде, все в школе какой-нибудь иностранный язык проходили.

– Вот это точно, что проходили, да не понимали. У всех в личном деле запись: «Читаю и перевожу со словарём». Может, со словарём они что-то и читают, но как они будут общаться? В словарь заглядывать? У нас и так из всей делегации только пятеро в состоянии понимать английский на слух, и только двое могут прилично переводить речь. Нужен сотрудник, элементарно понимающий, о чём его спрашивают, который в состоянии ответить хотя бы на бытовом уровне. Мы уже всех подходящих вроде перебрали...

– Майор Пенкин, – вдруг обратился к Жоре полковник, – вы не знаете, кто из сотрудников английский понимает?

– Знаю.

– Кто? – одновременно спросили оба начальника.

– Я.

Предваряя дальнейшие расспросы, Жора продолжил уже по-английски.

– Йес, сэр, ай спик инглиш литл.

– Ну вот, а ты ищешь, – засмеялся полковник. – Оформляй Пенкина, и дело с концом.

Аэропорт «JFK» («Джи-фи-кей», как произносят жители Соединённых Штатов), куда прибыла карельская делегация, до сих пор является крупнейшим аэропортом Нью-Йорка, а стало быть, и США. Пятьдесят миллионов пассажиров в год – цифра впечатляющая, а её «JFK» перевалил ещё в 2012 году. Кому довелось вылетать из московского «Домодедово», представляют себе его размеры. Он за год обслуживает около тридцати миллионов. Сравните с ним его американского собрата и ощутите размах того, что окружало русских в первые минуты их пребывания на американской земле.

Пенкин с удовольствием разглядывал архитектуру аэропорта работы Ээро Сааринена, американского архитектора финского происхождения. Зданиями, спроектированными этим талантливым зодчим, Георгий как бывший строитель, бывало, засматривался во время командировок в Сортавалу.

Жора и ранее видел здание «JFK» – во время учёбы, на фотографиях. Ему и другим будущим строителям демонстрировал их в ходе лекции профессор архитектуры. Был назван «Джи-Фи-Кей» в честь убитого незадолго до окончания строительства президента США Джона Фитцджеральда Кеннеди.

Даже по прошествии более чем тридцати лет его эксплуатации, когда архитектура во всём мире шагнула далеко вперёд, аэровокзал своими летящими конструкциями всё ещё производил неизгладимое впечатление, оставаясь одним из наиболее оригинальных аэропортов в мире. Налюбовавшись параболическими конструкциями перекрытий, сверкающими и мигающими огнями взлётных полос вечернего аэропорта, самолётами десятков стран, Жора поспешил внутрь, так как всю делегацию пригласили на терминал выдачи багажа.

Карельская делегация стояла компактной кучкой, оживлённо переговариваясь друг с другом и пятью встречавшими их полицейскими из города Фичбур графства Бостон. Оживление было вызвано лёгкой эйфорией от первых минут пребывания в Америке, о которой все много слышали, но пока никто из них не видел, а также от ещё не совсем выветрившегося алкоголя, который в «Боинге» подавали в разных видах, стоило только дать знать стюарду. Пенкин в беседе участия не принимал, поскольку не был знаком с американскими коллегами, в то время как половина участников поездки уже полгода переписывалась с ними и обменивалась фотографиями.

Вдруг его внимание привлекла интересная парочка. По аэровокзалу прогуливалась чернокожая представительница полиции с таксой на поводке. Судя по всему, принадлежали обе к службе наркоконтроля. Собака время от времени протискивалась между вещами пассажиров, расставленных на полу вестибюля, и обнюхивала багаж. С осиной талией и высокой грудью, запакованная в чёрную форменную обмундировку, на которой знаки различия и значки блестели, как ювелирные украшения, сотрудница полиции была картинно хороша, как Наоми Кемпбелл, и знала об этом. Изыщно, но с достоинством она огибала препятствия вслед за своей длинноухой подругой, связанной с ней тонким шнуром поводка. Пассажиры с интересом наблюдали за их действиями и улыбались, глядя на эту преисполненную важности парочку.

Среди проплывающего на вертушке багажа Жора заметил свой чемодан и снял его с транспортера, вздохнув с облегчением. Все ведь знают, что в аэропортах пропажа вещей – не такое уж редкое явление. Между тем коричневая парочка поравнялась с Пенкиным, стоящим с краю группы. Рядом с ним стояли чемодан и спортивная сумка. Вот эта-то сумка неожиданно заинтересовала таксу. Она начала интенсивно принюхиваться, а затем лапой скрести по сумке. Поскольку с собаки и её проводника не сводила глаз половина пассажиров, стоявших в праздном ожидании кто посадки, а кто багажа, то все их взоры обратились теперь на Жору с его поклажей.

– What’s in your bag, sir?¹ – строго спросила женщина, указав пальцем на сумку.

– There are my personal belongings, meme,² – ответил ей Пенкин, заглядывая в чёрные глаза и улыбаясь. Собака продолжала скрести сумку когтями.

– You have guns and drugs?³ – последовал новый вопрос, при этом голос офицера полиции звучал более строго, а на ответную улыбку не было и намёка.

– Нет, оружия у меня нет, – ответил Жора по-английски.

– But what about drug?⁴ – настойчиво спросила темнокожая коллега.

¹ Что у вас в сумке, сэр?

² это мои личные вещи, мадам

³ У вас есть оружие и наркота?

⁴ А как насчёт наркоты?

– What is drug?⁵ – с искренним удивлением спросил он, поскольку слово «drug» в школе не проходили. Там больше делали упор на то, как рассказать о достижениях социализма, а наркотиков в пору СССР у нас в стране практически не было.

– Don't play. Everybody in the world knows, what is a drug, one you don't know. Open the bag!⁶

Пенкин из литературы знал, что в США спорить с полицейским бесполезно, нужно выполнять его требования и ждать развязки. Он растерянно оглянулся, ища поддержки у коллег и рассчитывая на то, что ему помогут те, кто язык знает получше, чем он сам. Увиденное его потрясло.

Интерес собаки к его вещам и диалог с офицером полиции не остались незамеченными. Рядом с ним и на балконах второго и третьего этажей множество людей с нескрываемым любопытством разглядывало происходящее. Некоторые даже показывали на него пальцем. Из громких реплик он понял, что они искренне радуются, что собака обратила на него внимание. А когда Жора услышал, как мужчина объяснял своему сыну лет восьми, показывая на него: «It's a bad boy, now he will live in prison» («Это плохой парень, теперь он будет жить в тюрьме», – автоматически перевёл он смысл фразы), – то холодный пот потёк у него по спине.

В то же время от его внимания не ускользнуло, как его русские коллеги, которые ещё пять минут назад стояли рядом с ним, теперь оказались в отдалении, потихоньку отодвигая ногой свои чемоданы. Вокруг него образовался своеобразный ринг, в центре которого стоял он и эта поисковая парочка.

Он нагнулся к сумке и, расстегнув молнию, распахнул её, показывая содержимое. Собака нырнула в неё своим длинным носом и, улыбаясь, вытащила бумажный пакет. Жора тут же сообразил, что это остатки того ужина, который пассажирам любезно предложили в самолёте. Поскольку есть особенно не хотелось, а порция была довольно объёмная, да ещё было не ясно, когда удастся поесть после приземления, то он сгрёб оставшуюся половину цыплёнка с рисом и солёный огурец в гигиенический пакет, лежавший в кармане кресла, и засунул его в сумку. Судя по всему, этот запах и привлёл внимание таксы.

Жора вынул из пакета цыплячье крыло и предложил его собаке. Та охотно схватила крылышко и энергично захрустела. Зрители заулыбались, а её хозяйка, смутившись, строго дёрнула за поводок. Тут российскому представителю правоохранительной системы показалось, что теперь наступил момент расплаты за ситуацию, когда в глазах зевак он выглядел преступником.

– The dog is hungry. I think someone ate her food,⁷ – произнёс он иронично.

И тут произошло то, чего Пенкин никак не ожидал. Темнокожая дама-офицер побледнела и схватилась рукой за рукоятку револьвера, торчавшего из кобуры, что была у неё на ремне вместе с наручниками. Она быстро и резко что-то начала говорить, но Пенкин знал английский не настолько хорошо, чтобы понять столь быструю речь, да ещё наполовину на сленге. Изумлённым видом искажённого лица побледневшей от гнева афроамериканки, он понял, что перешёл рамки дозволенного. Попытавшись погасить конфликт, он пробормотал, извинившись: «I am sorry», – и пожал в растерянности плечами. Однако леди-полисмен на этом не успокоилась и продолжала что-то ему выговаривать.

Неожиданно в это происшествие вмешался один из американских полицейских, встречавших делегацию. Это был сорокалетний лейтенант ростом более метра девяносто и, как он потом сам похвастался, весом в сто десять килограммов. С ним подошёл капитан Меркин, который был назначен официальным переводчиком группы, поскольку в своё время окончил факультет иностранных языков в Москве. Лейтенант с улыбкой начал успокаивать оскорблён-

⁵ Что такое наркота?

⁶ Не нужно увиливать. Весь мир знает, что такое наркота- один ты не знаешь. Открой сумку!

⁷ Собака голодная. Я думаю кое-кто съел её еду.

ную даму в полицейской форме. Та решительно ему отвечала, тыкая пальцем в Пенкина. Временами Меркин переводил кое-что из их диалога, и все облегчённо вздохнули, когда, наконец, мэм-офицер удалилась, откозыряв лейтенанту и уводя за собой на поводке таксу.

– Ты что ей наплёл, значок английского? – спросил подошедший к ним замполит.

– Предположил, что она съела завтрак у своей собаки.

– Ты, что, с дуба рухнул? – прошипел сквозь зубы Меркин. – Она же не у нас в погранвойсках служит. Мне друг с заставы собачьи консервы, помню, приносил, но тут вроде нет с едой дефицита. Обидел женщину.

– Вот как из меня наркокурьера чуть не сделали – так это нормально, а как я пошутил – так обиделась.

– Лейтенант сказал, что твоя шутка на полгода отсидки тянет, так что думать надо, прежде чем шутить. У них с полицейскими так не шутят.

– Ладно, придётся привыкать.

Трансфер

После того, как Пенкин и офицер службы наркоконтроля разошлись миром, Жоре осталось только подхватить свои вещи и догонять группу, которая отправилась к выходу из аэропорта. На улице их делегацию возле длинного жёлтого автобуса (вроде того, в каких возят американских школьников) ожидала группа американцев. Почти половина из них была в полицейской форме, другая же – в обычных костюмах, но без галстуков. Вечер был тёплый. Опасения, что на выходе из аэропорта понадобятся плащи и куртки, не оправдались.

Тревога по поводу погоды вызвана была по большей части тем, что российские граждане не очень твёрдо представляют географию Соединённых Штатов, как, впрочем, и своей страны. У абсолютного большинства тех, кто принимал участие в поездке, было представление, что Нью-Йорк – это примерно широта Москвы, а стало быть, и погода должна быть очень близкой. В реальности оказалось, что это далеко не так: Нью-Йорк находится много южнее. Если перенести его местоположение по параллели на карту России, это будет где-то в районе Сочи. Был конец октября, а значит, по курортным понятиям – самый бархатный сезон.

Лейтенант, как оказалось – начальник полиции города Востер, забрался на ступеньку автобуса и громко объявил: «Всех прошу подойти ближе к автобусу. Справа от меня будут российские делегаты, а слева – наши полицейские. Я буду вызывать полицейского, он выходит, после этого будет названа фамилия русского, который выходит к нему. С этой минуты американский „host“ и его новый русский друг должны быть вместе. После этого отходите в сторону, не мешайте другим, знакомьтесь и занимайте место в автобусе».

Всё это громким голосом перевёл Меркин, взобравшись на автобус рядом с лейтенантом Брэдстоном, и процедура началась.

Американцы, после того, как их выкликнули, выходили на освещённое место и вглядывались в группу русских, вытянувшуюся полукругом в два ряда. Вели они себя по-разному. Одни ждали, когда их вызовут. Некоторые сразу узнавали своего друга по переписке, уже знакомого по фотографиям, и приветственно поднимали руку, обращая на себя внимание. Друг из России поднимал руку в ответ и начинал выбираться на середину ещё до того, как пожилой сержант полиции объявлял его имя.

Объявление это тоже звучало необычно. Сейчас, когда по многим телевизионным программам в России демонстрируют поединки боксёров или бои без правил, то представление участников матча публике в такой манере нередко можно услышать.

Сержант был явно любитель таких зрелищ и подражал им очень похоже. Постепенно наращивая напор голоса, он сначала перечислял, откуда ты есть, твои звания и титулы, потом имя, а уже в конце, почти на крике, по слогам фамилию. Для россиян это было в диковину. Однако Георгию показалось, что таким образом придавалась знакомству с русскими особенная торжественность. Каждое рукопожатие в центре освещённого уличным фонарём овала, как на ринге, сопровождалось аплодисментами всех участников.

Несмотря на призыв лейтенанта, никто в автобус лезть не торопился, и толпа, уже разбившись на пары, поджидала окончания распределения русских по семьям и местам проживания. Последним вызвали Пенкина, да это и понятно: он ведь был последним включён в делегацию.

Услышав раскаты голоса сержанта, объявляющего его фамилию, с подъёмом голоса в кульминации: «Джэ-ё-дж П-е-н-к-и-и-н!!!» – Жора, шурясь от яркого света, выдвинулся в центр круга. Раздались общие аплодисменты. Когда же он встал рядом со своим хостом, грянул общий хохот. Жора оглядывал себя, думая сначала, что у него штаны расстёгнуты или одежда устарела по американским понятиям. Тут вдруг американец, который одет был, как и он, в джинсы и светлую рубашку с незастёгнутым воротом, протянул ему руку и представился: «Джим Карри, детектив». Он глянул Георгию в лицо, улыбнулся и произнёс:

– Good evening, my Russian brother, – потом обнял его.

Вдвоём они пошли к автобусу, и перед тем, как в него садиться, Пенкин спросил у переводчика:

– А почему все засмеялись?

Тот глянул на коллегу, потом на американца, усмехнулся и спросил:

– Пенкин, ты давно в зеркало смотрелся?

– Позавчера.

– Ну, тогда глянь, – сунул он ему карманное зеркальце.

Жора глянул и обомлел. Он был похож на Джима Карри почти как близнец. Оба были одного роста, одного возраста, с сединой в густых волосах и с седыми усами. Похожи были и носы, и губы, и даже глаза были одного цвета – то ли серые, то ли голубые. Джим кивнул головой в сторону Жоры и сказал Меркину:

– Brother, my Russian brother.

А дальше все сели в автобус и автомобили. Джим сел в машину товарища, и кавалькада, с полицейской машиной сопровождения во главе, втянулась в окраину вечернего Нью-Йорка.

По мере продвижения к центру движение становилось всё более затруднённым. Американцам же хотелось во время кратковременной поездки по величайшему городу Америки показать знаковые его места. Надо сказать, в часы пик проехать по Нью-Йорку весьма непросто. Колонна двигалась по побережью, и россияне могли воочию лицезреть статую Свободы. Потом их автобусу протискиваться через пробки стало совсем трудно. Идущая впереди него машина сопровождения включила «маяки», однако всё равно скорость была, как у пешехода. Вдруг на какой-то площади кортеж ненадолго остановился – и пошёл вперёд, как будто у него крылья выросли. Пенкин, как и его товарищи, глянул в лобовое стекло их местами ободранного жёлтого полицейского автобуса и ахнул от удивления.

Перед машиной сопровождения двигался почётный эскорт из офицеров дорожной полиции на двенадцати патрульных мотоциклах, построенных клином. Впереди них шла большая сигнальная машина полиции представительского класса. Американские полицейские в автобусе улыбались. Их явно раширало от гордости. Они самодовольно поглядывали в окна на автомобили, жмущиеся к обочинам, пропуская кортеж, и на пешеходов, которые изумлённо оборачивались на кавалькаду. Из разговоров и реплик переводчика Жора понял, что полицейские Нью-Йорка в честь самых первых русских полицейских, приехавших в Америку, организовали им президентское сопровождение. Вот и смеялись пешеходы, часто показывая пальцем на их неказистый автобус, поскольку вместо него ожидали увидеть машину президента США.

В окне автобуса между тем мелькали небоскрёбы, башни-близнецы торгового центра, здание ООН, потом автобус понёсся по каким-то улицам, вылетел на огромный Бруклинский мост через величественный Гудзон и вскоре выскочил на трассу, ведущую в портовый город Бостон. Здесь президентский кортеж оставил их, приветственно посигналив на прощание, но сопровождение дальше и не требовалось. Ширина бетонки и количество машин на ней позволяли уже двигаться беспрепятственно.

Время за разговорами и разглядыванием незнакомых пейзажей и строений прошло быстро. Поездка через Бостон тоже много времени не заняла, и вскоре они достигли конечной точки этого вечернего путешествия: прибыли к полицейскому управлению города Востер (Worcester). Здесь россиян хосты разобрали и, рассадив по своим машинам, повезли по домам.

«Фичбур», – прочитал Пенкин название городка (Fitchburgh), через который они проезжали. Десять минут езды по хорошей грунтовке, и машина затормозила возле белого забора, который отделял от дороги обширный палисадник. За ним виднелось одноэтажное здание со стеклянной дверью.

– Всё, приехали, – сказал Джим, – пошли, Джордж, – понял его речь Пенкин.

– Хорошо, – отозвался он, вылезая из машины.

Двое, русский и американец, один с чемоданом, а другой со спортивной сумкой в руке, подошли к дому по дорожке, посыпанной белым мелким щебнем.

– Добро пожаловать, мой русский друг. Неделю мы вместе будем жить здесь, у меня дома.

В доме у Джима

Когда луч солнца скользнул по стенке комнаты, пробиваясь сквозь тюль между шторами, Пенкин открыл глаза. Первая мысль была: «Где я?» Он лежал раздетым под очень лёгким одеялом на широкой, не менее чем в полтора метра кровати, утопая в белоснежной пухлой подушке. В небольшой квадратной комнате с одним окном стоял платяной шкаф, пара венских стульев и столик у окна – вот и всё убранство. Потом он вспомнил: «Господи! Я же в Америке! Это дом моего хоста Джима, а я лежу в кровати в своей комнате».

Он подошёл к шкафу. В нём, как и положено, была его форма, которую, достав из чемодана, он разместил на вешалках, чтобы она отвиселась. Надев брюки, Жора подумал, что не мешало бы умыться, и глянул на часы. Было полвосьмого утра. Время ещё с вечера было велено всем поставить американское и в предстоящие две недели пользоваться только им. С утра предстояла поездка в Вустер, поэтому спать уже было, пожалуй, некогда.

Он достал свой дорожный несессер и отправился искать умывальник. По смутному воспоминанию, оставшемуся после вчерашней многочасовой поездки и массы событий, Жора вспомнил: Джим вроде что-то говорил о цокольном этаже. Георгий спустился по винтовой лестнице на этаж ниже и без труда определил дверь, за которой находилась душевая. Тут же находился унитаз и умывальник с большим полукруглым зеркалом на стене. Эта комната личной гигиены занимала не меньше полутора десятков квадратных метров. «Надо же, – подумал Пенкин, – столько места отвести под, можно сказать, подсобное помещение».

Он умылся, побрился, с удовольствием прыснул на себя туалетной водой и вернулся в комнату. Через минуту постучал Джим. Поинтересовавшись, как это часто делают американцы по отношению к товарищу или собеседнику: «Ты в порядке?» – и получив утвердительный ответ, он спросил:

- Джордж, готов завтракать?
- Да, конечно.
- Тогда пошли.

Они оказались в большой, не меньше тридцати квадратных метров комнате, которая служила столовой. Она не была отделена полностью от остальных помещений. Такую планировку Жора видел в первый раз. Впрочем, ему многого, что попало на глаза за эту поездку по стране, о которой он знал только понаслышке, раньше видеть не приходилось. В столовую вело два входа, а возле одной из стенок расположилось кухонное оборудование: холодильник в два с половиной метра высотой и двумя дверцами, мойка для посуды, газовая плита, кухонный столик и буфет со многими ящичками, а чередой над всем этим – шкафчики белого цвета. Завершала всё посудомоечная машина, которую Жора видел впервые и поначалу решил, что это второй холодильник, поскольку она тихо пофыркивала и сверкала разноцветными огнями табло. Позднее Джим показал ему её устройство, так и не убедив русского гостя, что для семьи из двух человек эта вещь абсолютно необходима.

В центре комнаты стоял большой обеденный стол, за которым можно было без труда разместить человек пятнадцать. Сервирован он, впрочем, был только на троих. Под белой салфеткой оказался нарезанный белый хлеб, на тарелочке желтел кусок масла. Тут же полукругом расположились солонка и перечница из фарфора в виде двух ежей, с десятков каких-то баночек, миска из фарфора со свежими огурцами и тарелка с какими-то зелёными плодами, а также тубик с горчицей, судя по надписи.

Вдруг в столовую, в которой Жора разглядывал незнакомые предметы, тихо вошла одетая в светлый жакет и тёмную юбку симпатичная женщина. Она была одного роста с женой Пенкина и примерно той же комплекции. У неё была хорошая причёска и туфли на каблукках. Она подошла к Георгию, улыбнулась и сказала по-английски, обернувшись к мужу:

– Ну что же ты, Джим, познакомь меня с нашим русским гостем.

Джим немного нахмурился, поскольку стоял спиной ко входу, из которого она появилась, и не сразу её заметил, но тут же улыбнулся:

– Джордж, знакомься, это моя жена Кэти.

– Кэтлин, – с улыбкой протянула руку женщина.

– Джордж, – ответил Пенкин, пожав слегка пальцы хозяйки.

– Как тебе нравится в Америке? – спросила она.

– Я Америку видел пока только из окна автобуса, но даже то небольшое, что удалось разглядеть, впечатляет.

– А как тебе нравится у нас дома?

– Нравится, хотя я весь дом ещё не видел. У вас много интересного.

– У тебя не такой дом?

– Нет. Я живу в квартире многоэтажного дома.

– Понятно. Мы раньше тоже жили в арендованной квартире, но Джиму хотелось жить поближе к природе, вот мы и построили этот дом. Джим, обязательно покажи Джорджу дом и окрестности. Я думаю, ему будет интересно.

– Конечно, покажу, однако в десять утра у нас встреча с русскими полицейскими, так что экскурсию проведём после того, как вернёмся домой. А сейчас давайте завтракать.

Жора сел рядом с Джимом, а Кэти – напротив них, спиной к холодильнику. Пока Пенкин рассматривал столовые приборы, Кэти не отрывала глаз от них обоих и даже надела очки, достав их из небольшой сумочки. Она переводила взгляд с одного на другого, а потом спросила:

– Джордж, вас специально так подбирали по возрасту и виду, чтобы американским хозяевам легче было привыкать к гостям?

– Нет, во всяком случае, я был лишён такой возможности. Мы ведь с Джимом только в аэропорту увиделись друг с другом.

– Поразительно, какое у вас сходство.

За завтраком выяснилась одна особенность американского гостеприимства. Хозяйка поинтересовалась, будет ли гость есть сметану. При этом она произнесла «сур крим» (sour crème). Жора слово «сур» не смог точно перевести и решил, что его хотят угостить чем-то типа сладкого крема для торта, возможно, заварным кремом, и вежливо отказался. Тут же две пластмассовых баночки хозяйка убрала в холодильник, а когда Джим начал уплетать сметану из оставшейся третьей, то Жора, поняв свою ошибку, не решился попросить вернуть её обратно.

– Авокадо? – спросила его Кэти.

Не зная, как их есть, Пенкин открестился и от этого продукта, и на столе стало ещё одной тарелкой меньше.

– Эггс энд бекон? – спросил его Джим.

Жора понял, что ему предлагают яичницу с ветчиной, но как сказать, чтобы ветчину не жарили, моментально ему в голову не пришло, и он брякнул:

– Эггс визаут бекон (яйца без бекона).

Джим сказал: «Окей», – и бекон тут же исчез со стола. «Стоп, – подумал Пенкин, – этак совсем без завтрака останешься. Больше никаких отказов». В результате он съел два яйца всмятку, кусок белого хлеба с маслом и выпил стакан чая «Липтон», заваренного с помощью пакетика.

– Джордж, с завтраком мы быстро управились, так что у нас есть ещё минут двадцать до старта. Хочешь сейчас посмотреть мой дом?

– Конечно, – согласился тот.

Дом оказался непростой. Он был в двух уровнях и очень удачно вписан архитектором в небольшую скалу, которая выходила на берег круглого озера диаметром с километр. Озеро

было похоже на большой пруд с песчаными пляжиками по всему берегу. Жору поразило отсутствие забора с задней стороны дома. Вместо него была баскетбольная площадка и сбоку какое-то непонятное сооружение со скамейками.

В доме был гараж на две автомашины, бильярдная с баром, камином и огромным плоским телевизором на стене, каких в Петрозаводске ещё ни у кого не было. Дальше по коридору – прачечная и душевая с туалетом, где Жора уже побывал. На втором этаже, кроме столовой и спальни, в которой он провёл ночь, было ещё две спальни и кабинет. Как выяснилось, на втором этаже тоже был туалет, и Жоре утром можно было на первый этаж не спускаться.

Перед домом была небольшая аккуратно подстриженная лужайка – или, скорее, газон. С двух сторон крыльца, перед входом, в двух бетонных цветниках в виде плоских больших ваз цвели анютины глазки и разноцветные маргаритки. Дом был из красного лицевого кирпича с зелёной крышей из рифлёного железа. Всё было продуманно, эстетично и лаконично. Без излишеств ампира и изыска рококо, но до чего же удобно!

После обхода домашних помещений Джим позвал своего гостя в гараж, где они сели в двухместный японский спортивный кабриолет с опущенным верхом. Нажатие кнопки на пульте привело в движение стальную штору на роллетах: выезд был открыт. А потом была неспешная езда по дороге, вдоль которой расположились ухоженные домики и коттеджи разных цветов и конструкций.

Когда они выехали на шоссе, Джим нажал на газ, и Пенкина буквально вдавило в кожаное сиденье. Он глянул на спидометр и оценил возможности автомашины, поскольку стрелка была чуть дальше отметки 180 миль. Семь минут спустя они уже подъезжали к полицейскому участку города Фичбур.

Джордж и копы

Джим и Джордж успели вовремя. У входа в отделение полиции Фичбура уже стоял полицейский автобус. Только они залезли и заняли места в середине салона, вошёл сержант, негр с эмблемой S.W.A.T., и вслед за ним – лейтенант, который дал сигнал к отправлению. Езда до Ворстера была недолгой, особенно с разговорами о том, как прошла первая ночь. Оказывается, не все её провели праведно, как Пенкин. От некоторых явно пахло не выветрившимся алкоголем, а Николай Будько, что называется, откровенно клевал носом.

– Коля, ты где ночь провёл? – поинтересовался замполит.

– Потом расскажу, – отозвался тот и отключился полностью.

Отдых его был недолгим, так как через четверть часа автобус пришлось покинуть. На площадке перед городским полицейским управлением уже собралась довольно внушительная толпа людей, полицейские мундиры были вперемежку с гражданскими костюмами и яркими женскими нарядами. Светило солнышко. День был тёплый, а настроение у всех почти праздничное, примерно как в былые годы в СССР перед майской демонстрацией. Это была первая официальная встреча с полицейским руководством и властями.

Для начала полицейские и милиционеры построились в две шеренги, потом были подняты два флага. Через репродукторы прозвучал гимн США, и Пенкин отметил, что почти все собравшиеся знают его слова и поют искренне, и на флаг смотрят с гордостью. Полицейские в форме отдавали честь, держа в течение всего исполнения руку у виска, а большинство гражданских прижимало правую руку к сердцу.

Выступил мэр Ворстера, потом – какой-то сенатор, за ним представитель Бостонского окружного управления полиции, а потом говорили ещё полицейские и некоторые из наших милиционеров. Тут же многие знакомились и пожимали руки друг другу. Однако через час митинг был объявлен закрытым. Состоялось лёгкое чаепитие в стенах полицейского управления, после которого автобусы и машины с гостями разъехались по своим пунктам назначения.

Выйдя из автобуса, Джим сказал, что ему нужно почту посмотреть, и пригласил Жору зайти в полицейский участок города Фичбур. Пенкин с радостью согласился.

Здание было небольшим – эдакий кубик в два этажа. Никаких турникетов при входе, за барьерной стойкой – дежурный офицер и помощник, за ними – камеры для задержанных, в одной из которых сидел небритый и явно с дикого похмелья гражданин в наручниках. Напротив дежурного – вход в зал совещаний.

Вслед за своим другом Жора поднялся на второй этаж и увидел нечто, поразившее его воображение: большой зал был разделён перегородками, как в каком-нибудь кафе или, скорее, читальном зале городской библиотеки. Возле перегородки стояли одно- и двухтумбовые столы, рядом – один стул или вращающееся кресло, редко стояло два стула. За столами кое-где сидели полицейские и что-то писали, звонили по телефонам, работали на компьютерах.

Компьютеры вообще были на каждом столе, чего в 1994 году в милицееских подразделениях – за исключением, может быть, информационных центров – не было и в помине. Даже дежурные части отделов милиции в России связь тогда осуществляли с помощью телетайпов.

Слегка возвышаясь над залом, в дальнем его углу, в своеобразной стеклянной будке сидел полицейский с погонами лейтенанта. Он что-то писал, иногда поглядывая на подчинённых. Джим прошёл к столу, который стоял у окна, прихватив по пути стул с соседнего рабочего места, за которым никого не было. Жестом он указал Жоре на него, и в этот момент зазвонил телефон. Жорин хост взял трубку:

– Yes, sir. This man is a police officer from Russia, sir. Yes, sir.

Жора обратил внимание, что смотрел его коллега в сторону лейтенанта, который тоже говорил по телефону.

- Кто это?
 - Наш главный. Лейтенант Майер. Не беспокойся. Он в курсе, что вы приехали, и я много времени буду должен уделять русскому полицейскому.
 - Это твоё рабочее место?
 - Да, – ответил его друг, одновременно разглядывая какие-то бумаги, лежавшие на углу стола. – Как тебе у нас нравится?
 - Интересно. У нас многое по-другому.
 - Что, например?
 - У начальника свой кабинет, и он не стеклянный. Сотрудники, конечно, не все имеют отдельные кабинеты, сидят и по двое, и по трое, но каждый бы хотел сидеть отдельно от других.
 - Зачем?
 - Когда трое разговаривают по телефонам, то они мешают друг другу. Или когда кто-то составляет важный документ, а другие болтают.
 - Не нужно преувеличивать. Если ты занят конкретно своим делом, а не разговариваешь со своим другом о рыбалке или скачках на ипподроме, то это не очень мешает. А потом, лейтенант видит, кто чем занимается.
 - А если нужно кого-то допросить? Не всегда результаты допроса должны быть известны другим.
 - Там, за комнатой для задержанных, есть и кабинет для допросов, и камеры для арестованных. А ещё комната отдыха для дежурных. Там и диван, и микроволновка, и кофеварка, и холодильник. Дежурные ведь сутки работают безвыходно.
 - Ты можешь уйти среди дня по своим делам?
 - Могу, – улыбнулся коллега, – если по служебным делам. Я же детектив. Моя специальность – наркотики. Поэтому я часто выезжаю, чтобы проверить полученную информацию или на встречу с агентом. Только нужно сказать лейтенанту, а потом доложить о результатах.
 - А как у вас с раскрываемостью преступлений, за плохие показатели ругают?
 - Раскрываемость – это что?
 - Какой процент от совершённых преступлений остаётся нераскрытым, то есть, преступник остаётся неизвестным?
 - Как ты это представляешь в моей работе? Сколько привезли драги в Фичбур, а я об этом не знаю? Или сколько продали, а я продавцов не арестовал?
 - У тебя сложнее, но ведь есть другие преступления: убийства, грабежи, изнасилования, кражи, да мало ли ещё что. За их раскрытие спрашивают с начальника полиции?
 - Конечно, когда в прошлом году был грабёж на бензоколонке и грабители застрелили случайного прохожего, то шуму в прессе много было. Но через три дня убийц задержали и отправили на электрический стул. Так что наш лейтенант получил золотые часы из рук губернатора.
 - А всё-таки, какой процент тяжких преступлений остаётся нераскрытым?
 - Странно, что тебя это заботит. Сейчас узнаю у лейтенанта.
- Он позвонил по телефону.
- Примерно 30—40 процентов, если говорить о кражах и мелких уличных грабежах, убийства раскрыты все. Налётов на банки или их филиалы уже лет пять не было. Ты удовлетворён?
 - Да, – отозвался Пенкин, думая о своём и вспоминая, как его за эти самые проценты драли на совещании.
- Джим заметил его задумчивость и, выдвинув верхний ящик стола, достал оттуда пистолет, отодвинув в сторону коробку с патронами. Сняв магазин, снаряжённый патронами, он протянул оружие русскому коллеге.
- Джордж, лучше скажи, тебе нравится калибр 38?

Пенкин взял в руки двенадцатизарядную «Беретту», щёлкнул курком, удивившись плавности спуска и посадистости рукоятки.

– У меня тоже 38-й.

– Тоже «Беретта»?

– Нет, «Макаров».

– Сколько патронов?

– Восемь.

– Не мало?

– Обычно хватает. Есть ведь ещё одна обойма.

– Тебе приходилось стрелять в противника?

– Нет. Я выстрелил в воздух – он сдался.

– Слава Богу. Я в прошлом году застрелил одного афроамериканца, ему было 17 лет. Часто думаю, что, может быть, из него ещё мог получиться нормальный человек.

– Как это было?

– Мы проводили операцию по задержанию сбытчиков драги. Я сидел в своей машине, вдруг услышал стрельбу, достал пистолет и только вылез – он выбежал из-за угла, обернулся назад и выстрелил, продолжая бежать прямо на меня с пистолетом в руке, но не замечая. Я крикнул: «Стой, полиция! Брось пистолет!» – он остановился, открыв рот, для него это было неожиданностью, но пистолет не бросил. Я имел право, и я его использовал. Двух пуль из «Беретты» было достаточно. До сих пор помню его выпученные глаза и шевелящиеся губы с кровавой пеной. Я тебе скажу, это непросто – убивать человека.

– Тебя признали виновным?

– Нет, хотя объяснение написать пришлось.

Пенкин подумал про себя: «Хрен бы ты у нас так легко отделался. Отоспалась бы на тебе и прокуратура, и инспекция по личному составу. Предупредительного выстрела не было, значит, приказ нарушил».

– Джим, а почему ты пистолет в ящике стола хранишь?

– Это моё оружие – где хочу, там и храню.

– Так в твоё отсутствие его кто-нибудь может взять.

– Кто взять? – нахмурился тот.

– Кто-нибудь из коллег.

– Зачем им это? У них у каждого свой есть.

– Хотя бы пошутить.

– Не знаю, как у вас в России, а у нас с оружием не шутят.

И Жора подумал: «Вряд ли более суток у меня бы пистолет в столе пролежал, если бы весь отдел знал об этом».

Из дальнейшего разговора выяснилось, что пистолет каждый полицейский покупает сам, и это оружие действительно его собственность. Патрульный полицейский может получить револьвер на полицейском складе, но может купить и иметь свой, а уж все, кто занимается оперативной работой, личное оружие имеют только собственное.

– А на пенсию если выйдешь, его нужно будет сдать?

– С какой это радости я свой пистолет должен кому-то сдавать?

Жора в ответ только пожал плечами, памятуя о российских порядках. Потом он поинтересовался качеством телефонной связи. Оказалось, что она отличная. Тут его разобрало любопытство, можно ли с рабочего места Джима позвонить ему домой в Петрозаводск. Джим только спросил, знает ли он код выхода на Россию и на Петрозаводск, после чего набрал номер телефона. Жена у Жоры была в это время на работе, а вот мама была на месте.

– Ой, а ты откуда? – услышал он родной мамин голос. – А мне сказали, что ты в командировке, чуть ли не в Америке.

– Так я из Америки и звоню.

– Я так хорошо тебя слышу, гораздо лучше, чем когда ты звонишь мне с работы.

Георгий поговорил с мамой о здоровье, потом о дачных делах, потом о погоде. Джим терпеливо ждал. Когда трубка была повешена, он обратился к русскому другу:

– Джордж, а ты видел телефон в моём доме?

– Да. Даже два: один в столовой, другой в бильярдной.

– Не терпелось маму услышать? Ведь можно было позвонить с одного из них.

Терпеливо, как учитель объясняет азбуку ученику первого класса, Пенкин растолковал своему хосту:

– Видишь ли, Джим. Если я звоню из твоего дома, то счёт за разговор приходит к тебе домой. Если же я звоню из полицейского подразделения, то счёт выставляют полиции. Это понятно?

– Понятно, – сделав участливое лицо, ответил американец. – Ты полагаешь, что звонить по личным делам за деньги американских налогоплательщиков значительно удобнее, чем за свои?

До Георгия вдруг дошёл язвительный тон американца. Ему вдруг стало стыдно, как школьнику, которого впервые прихватили за руку, когда он залез в карман чужого пальто за мелочью. Густо покраснев, он начал было что-то лепетать, но Джим остановил его:

– Нет проблем, если только ты не решил делать это регулярно.

Они спустились вниз. Джим спросил у дежурного, где находится его друг Майкл. Тот ответил, что в оружейной комнате.

– Джим, а зачем вам оружейка, если у вас оружие своё?

– В зависимости от того, на какое задание мы едем, оружие выбираем здесь. Мне не часто нужен автомат, чтобы купить и иметь его лично, а здесь можно взять. Ещё можно взять снайперскую винтовку, тяжёлый бронезилет, автоматический дробовик, бинокль, прибор ночного видения, дымовые гранаты, да много ещё всего. Давай зайдём в комнату совещаний, там народ собирается перед дневным инструктажем. Я тебя представлю коллегам.

Они прошли в зал, где стояло около полусотни простых металлических стульев, а перед залом стояла деревянная трибуна. При входе в зал стояла наклеенная на толстую фанеру цветная фотография полуобнажённой красавицы, снятой в полный рост и вырезанной без фона и пейзажа. Для Пенкина настолько это было непривычно, что он засмеялся.

– Что тебя развеселило?

– Вот это, – ткнул Георгий в портрет, – для чего она здесь? Начальство замечаний не делает?

– Почему нам должны делать замечания за то, что повышает копам настроение?

– Тогда, Джим, сделай мне фото.

Жора приобнял фанерную красотку, а Джим щёлкнул «Полароидом» и через пять минут вручил фото. Если бы Жора знал, каких слов он наслушается от жены в России из-за этого снимка... Разглядывая с подружкой фотографии, привезённые им из Америки, она наткнулась на эту, с девицей. Фото было настолько удачным, что красавица на нём выглядела как настоящая, а мини-бикини подчёркивало её пышные формы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.